

Юлий Айхенвальд

Памяти Лермонтова

Юлий Айхенвальд
Памяти Лермонтова

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Памяти Лермонтова / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1914

ISBN 978-5-457-13386-0

«Сам Лермонтов из своей трагической могилы тоже шлет в свой юбилейный день поклон родному краю, и родной край любовно отвечает на него своему певцу и сыну – даже среди раскатов неслыханной грозы. Атмосферная гроза шумела и 15 июля 1841 года в тот момент, когда Мартынов разрядил на поэта свой меткий пистолет, и вообще, грозой, войною, кровью окрашена была короткая жизненная дорога Лермонтова – мятежный, он искал бури и находил ее...»

ISBN 978-5-457-13386-0

© Айхенвальд Ю. И., 1914

© Public Domain, 1914

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Юлий Исаевич Айхенвальд Памяти Лермонтова

Теперь литература – какое-то воспоминание. Кровавый занавес войны отодвинул ее в большую даль, и нынче дело не в слове. Знаменитый клик Архимеда при нападении римлян на Сиракузы: «Noli tangere circulos meos!»¹, как известно, не встретил отклика: Архимед был убит и его геометрических построений не уважили². Современные «римляне» тоже не щадят никаких строений, никаких строителей, не отступают перед Лувеном и перед Реймским собором³, – торжествует одна железная сила. К тому же в наши дни мало кто чувствует себя Архимедом, мало кому не будет совестно заступаться за свои *circulos*, и не один изобразитель чертежей, букв, всяческой графики, не один мирный писатель чувствует себя теперь каким-то лишним человеком; даже Анатоль Франс бросил свое тонкое перо⁴.

Но имя Лермонтова в сотый день его рождения уместно произнести хотя бы и в такую минуту истории; как ни ужасны звуки и отзвуки войны, они заглушить его не в силах. Это имя тем более современно теперь, что как раз войне, ее стихии Лермонтов отдал много художественного внимания и на все бурное, грозное, боевое душа его страстно откликнулась. С разными вариантами, на многие лады повторяются сегодня стихи его «Завещания»: умирающий воин просит товарища —

А если спросит кто-нибудь...
Ну кто бы ни спросил, —
Скажи им, что навьлет в грудь
Я пулей ранен был.
Что умер честно за царя
И что родному краю
Поклон я посылаю.
А родителям надо смягчить весть:
...если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Сам Лермонтов из своей трагической могилы тоже шлет в свой юбилейный день поклон родному краю, и родной край любовно отвечает на него своему певцу и сыну – даже среди раскатов неслыханной грозы. Атмосферная гроза шумела и 15 июля 1841 года в тот момент, когда Мартынов разрядил на поэте свой меткий пистолет, и вообще, грозою, войною, кровью окрашена была короткая жизненная дорога Лермонтова – мятежный, он искал бури и находил ее. Художник-баталист, изобразитель Бородина и Валерика, всех этих сцен, когда «звучал булат, картечь визжала, и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел», он лелеял в сердце своем бранные звуки, любил булатный свой кинжал, товарища светлого и

¹ Не прикасайся к моим кругам, т. е. не испорти их (*лат.*).

² *Архимед* (287–212 до н. э.) был убит при захвате римлянами города Сиракузы. «...Среди всей суматохи, какую только может породить во взятом городе страх, среди солдат, бегавших повсюду и грабивших, Архимед, как рассказывают, был занят только фигурами, которые он чертил на песке. Какой-то солдат, не зная, кто это, убил его» (*Ливий Т.* История Рима от основания Города. М., 1994. Т. 2. С. 217).

³ Захват немцами бельгийского города Лувена (Лёвен), а также разрушение знаменитого Реймского собора относились к темам, интенсивно обсуждавшимся в русской публицистике первых месяцев войны.

⁴ *Анатоль Франс* (наст. имя: Анатоль Франсуа Тибо; 1844–1924) – французский писатель.

холодного, друга железного, и такая женщина была ему близка, которая в минуту расставания, в знак памяти своей лилейной рукой поднесла ему именно этот кинжал, не по одной груди проведший страшный след и не одну прорвавший кольчугу, – и черные женские глаза при огне тускнели и сверкали, как сталь кинжала. Мать у Лермонтова – это мать казака; в свое нежное «баюшки-баю» вплетает она мотивы будущей удали – «я седельце боевое шелком разошью», и проводит она сына в бой опасный. Другая мать проклянет своего сына за то, что он один пришел с кровавой битвы невредимо, не отомстил за отца и братьев – «бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла»⁵. Лермонтов родственно жил среди таких людей, которые «чихирь и мед кинжалом просят и пулей платят за пшено» и про которых надо сказать: «Война – их рай, а мир – их ад»⁶. У него – чаще смерть не естественная, а та, которую внезапно причиняет какая-нибудь «злая пуля осетина»⁷ или удар кинжала. Певец отваги, поэт-воин, рифмы свои отдавший схваткам боевым, взоры свои тешивший зрелищем того, как «от Урала до Дуная, до большой реки, колыхаясь и сверкая, движутся полки»⁸, творец «Измаила-Бей» упивался горящими красками зла, с детства чаровал себя образами Демона, Вадима, больше, чем кто-либо из наших писателей, чуял он красоту злого и воспринимал жизнь как битву.

Но тот же Лермонтов сожалел, что
Кровь победивших, стон сраженных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов⁹.

И в эту беспокойную, сумрачную, недовольную душу проникали настроения совсем другого порядка. Ужасно для него то, что два часа в струях потока бой длился, резались жестоко, «как звери, молча, с грудью грудь» и «мутная волна была тепла, была красна»; и после этого «с грустью тайной и сердечной» подумал Лермонтов:

...жалкий человек!
Чего он хочет: небо ясно,
Под небом места много всем, —
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?¹⁰

И в «Герое нашего времени» мы тоже читаем: «Солнце ясно, небо сине, – чего бы, кажется, больше? Зачем страсти, желания, сожаления?» Элементы нежности, духовной тишины; молитва в минуту жизни трудную; умиление перед Матерью Божией, «теплой заступницей мира холодного», и ветка Палестины, и желтеющая нива, при виде которой смиряется души его тревога, и колыбель с ребенком, чьи персты мать сжимала в знаменье креста, и вообще этот крест, «любви символ ненарушимый»¹¹, и желание отдохнуть «под

⁵ Цитаты из «Казачьей колыбельной песни» и поэмы «Беглец».

⁶ Из поэм «Измаил-Бей» (ч. 1, XXIV) и «Боярин Орша» (гл. 1).

⁷ Из поэмы «Демон» (ч. 1, XIII).

⁸ Из стихотворения «Спор».

⁹ Из поэмы «Ангел смерти».

¹⁰ Из стихотворения «Валерик».

¹¹ Из поэмы «Сашка» (строфа 82).

Божьей тенью»¹², и вечер, когда «ангелы-хранители беседуют с детьми»¹³ – все это знаменует в Лермонтове уже категорию не войны, а мира, не гордыни, а смирения, не Байрона, а Пушкина: «Хочу я с небом примириться, хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру». И потому, что он таил в себе именно обе категории, что две противоположные волны переливались по его творчеству, – так разнородны истолкования его поэзии, так неодинакова его характеристика у разных критиков. И вот, если для Владимира Соловьева и Мережковского Лермонтов – «поэт сверхчеловечества», предтеча Ницше и потомок дьявола, владелец внутреннего «демонического хозяйства», то для Ключевского он – поэт грусти, и по поводу Лермонтова вспоминает знаменитый историк тишайшего царя Алексея Михайловича и смиренную молитву: «Да будет воля Твоя!». Сам поэт, как все помнят, не считал себя Байроном, а видел в себе тоже гонимого странника, «но только с русскою душой». Вот эта «русская душа», вторгшаяся в байронизм, в экзотизм, причудливо сплетается у Лермонтова с отзвуками иной психологии, иных ощущений, и потому раздваивается, раскалывается его поэтическое дело, и можно спорить о том, достиг ли он внутреннего синтеза, принял ли он в конце концов себя и мир или ушел из мира угрюмый, скучающий, озлобленный.

¹² Из поэмы «Демон» (ч. 1, XII).

¹³ Из стихотворения «Свиданье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.